

М. К. Горшков¹

КУЛЬТУРА КАК ПРОСТРАНСТВО ДИАЛОГА ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Реальная жизнь социума располагает огромным духовно-ценностным потенциалом культуры, который реализуется не сам по себе, а благодаря системе ее социального воспроизводства. В современных условиях эта система представляет собой массовое, основанное на новейших информационных технологиях производство символической продукции². В сущности, речь идет о культурной индустрии, которая подчиняется не столько имманентным законам развития культуры, сколько диктату рынка, где не только «спрос рождает предложение, но и предложение рождает спрос». То есть не сама культура как поле реализации человеческих сущностных сил, а система ее социального воспроизводства становится рычагом манипуляции массовым сознанием, средством осуществления геополитических интересов — по крайней мере, камуфлирующим дизайном старой как мир политико-экономической экспансии.

Поэтому ставку на культуру все в большей степени делает не только современная экономика, основой которой становится развитие творческих индустрий, но и политика. Ведь культура закладывает в челове-

ке ценностно-смысловую парадигму постижения мира, осознания своего места в нем и тем самым становится способом преобразования действительности. Поэтому она представляет собой мощный ресурс социального развития. «Именно культура, а не политика, — считает Д. П. Мойнихэн, — определяет успех того или иного общества»³.

Сама природа культуры диалогична, поэтому культурные различия изначально не могут быть источником конфликта — только инструментом в руках тех, кто его затевает в своих интересах и отношения к культуре не имеет. Конечно же, диалог — форма внутреннего саморазвития культуры. Например, в российской культуре — да и в любой другой — этот диалог никогда и не прекращался: между традицией и новаторством, поэтом и издателем, западниками и славянофилами, интеллигенцией и властью, между национальными языками, культурами. Более того, этот диалог был не только фактором самоосознания российской культуры, но и внутренним механизмом ее саморазвития.

Внешний диалог в процессе взаимодействия культур — такой же естественный и продуктивный механизм развития любой культуры, укрепляющий ее целостность. Диалог культур представляет собой «технологию» гораздо более глубинной тенденции — возрастания целостности человечества, несмотря на различия культур, систем ценностей и стилей жизни. Этот «закон всемирного взаимоотяготения» может в полной мере заработать благодаря механизмам глобализации и новейшим информационным технологиям, если они будут подчинены цели очеловечивания мира, а не обслуживанию интересов «золотого миллиарда».

О чем, в сущности, идет речь? А о том, что между культурами, безусловно, могут быть и есть различия. Но между ними не может и не должно быть конфликтов.

¹ Директор Института социологии РАН, академик РАН, доктор философских наук. Автор более 300 научных трудов, в т. ч.: монографий «Общественное мнение: история и современность», «Российское общество в условиях трансформации: мифы и реальность (социологический анализ). 1992–2002», «Молодежь России: социологический портрет» (в соавт.), «Непрерывное образование в контексте модернизации» (в соавт.), «Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики)», «Россия и Китай: изменения в социальной структуре общества»; учебного пособия «Прикладная социология: методология и методы» (в соавт.) и др. Член Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации Федерального собрания РФ, член Коллегии Министерства регионального развития РФ, член Союза писателей России, член Международной социологической ассоциации, Член Европейской социологической ассоциации. Лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники. Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, серебряной медалью им. Питирима Сорокина.

² Бурдые П. Рынок символической продукции // Вопросы социологии. 1993. № 1/2. С. 49–62.

³ Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. М.: Моск. шк. полит. исслед., 2002. С. 11.

Разные культуры не иерархизированы, как экономики по уровню ВВП, чтобы соревноваться друг с другом, а одинаково ценны для человечества, как бы ни отличались друг от друга своими «заслугами» и особенностями. Однако их качественное своеобразие исключает аннигиляцию и предполагает взаимообогащающий синтез. Поэтому понятие «конфликт» к взаимодействию культур если и применимо, то только как обозначение способа обновления культуры. Подобная способность к обновлению делает культуру по определению бесконфликтной, если речь идет о расширении — и даже заимствовании! — способов и практик утверждения человеческого в человеке и в окружающей его действительности. Природа культуры такова, что чем более отличны культуры друг от друга, тем более они интересны друг другу. Форма их отношений — взаимообогащающее взаимодействие. Поэтому широко используемое понятие «толерантность» скорее применимо к физическим объектам или системам принуждения и подчинения, но отнюдь не к культурам, которые самой природой своей призваны не просто «терпеть» друг друга, а продуктивно реагировать, даже если друг друга отторгают. Таким образом, культурное пространство не конфликтно. Конфликтуют не культура с культурой, а культура с невежеством, лишенным миссии очеловечивания мира.

Агрессия против другой культуры рождается не в каморке поэта или студии художника, а в кабинетах «сильных мира сего». Поэтому сводить к «конфликту культур» кровавые конфликты от Косово до Киева означает или политическую наивность, или пропагандистский камуфляж вполне прозаических и не имеющих отношения к культуре интересов, когда культура становится разменной монетой в геополитической игре и превращается из способа гуманизации действительности в утилитарное средство создания «условий, необходимых для процветания наших интересов и ценностей», как заявлено в «Национальной стратегии для нового столетия», принятой США в 1997 году.

В геополитических конфликтах культуры используются как знамена и символы. Не случайно бывший американский военачальник А. Хейг в начале 1990-х годов произнес знаменательную фразу: «Россия проиграла войну символов». Две супердержавы воевали — или противостояли, как хотите, — не только в корейском небе, в горах Афганистана и в глубинах мирового океана, но и на киноэкране, в музыкальном эфире, на арт-выставках и печатных страницах, потому что любые символы — слова и краски, звуки музыки и архитектурные формы — несут не только эстетическую, но и огромную ценностно-смысловую нагрузку.

В условиях глобализации подобное противостояние только усилилось благодаря все более напористому и последовательному проведению в жизнь геополитических интересов Запада. Инструментом обеспечения этих интересов стала универсализация западной культурно-ценностной парадигмы в качестве обязательного «художественного сопровождения» глобализации. Поэтому в 1990-е годы многие политические деятели и интеллектуалы в нашей стране и на Западе ожидали, что Россия, как и другие страны, без особых проблем встроится в рамки утвердившейся либерально-демо-

кратической модели и, как выразился в связи с этим Х. Тиммерман, тем самым «станет такой, как мы»¹.

Однако диалог с российской, как и с другими культурами мира, превратился в североатлантический монолог, что подтверждается транснациональным доминированием Запада в культурно-информационной сфере (телевидение, кино, Интернет)². В информационное поле Запада русская культура как духовная целостность и как один из уникальных способов постижения человеческого мира не допускается. Продолжают действовать те же механизмы, которые не допускали ранее и не допускают поныне обнародования российской версии политических событий. Но если такого рода «диалог» направлен не на обмен ценностями, а на «обращение в свою веру» населения другой страны, носителей другой культуры, то это не диалог, а, по выражению В. Распутина, «культурная интервенция», рассчитанная на сбой в генотипе отечественной культуры.

Наверное, такая формулировка возмутит тех оппонентов, которые считают, может быть даже вполне искренне, что «наша задача, — как полагает С. Линдсей, — отнюдь не в том, чтобы изменить саму культуру. Цель в том, чтобы создать условия, способствующие формированию “конкурентных” компаний, ибо они выступают главными двигателями экономического роста и, в конечном счете, социального прогресса»³. Однако есть «эксперты», которые считают, что на пути создания таких компаний встает... национальная специфика российской культуры как главный тормоз либеральных социально-экономических преобразований, а неспешный ход модернизации российского общества объясняют «культурной блокировкой» (А. Аузан).

Доказательство несостоятельности такого рода положений не входит в круг обсуждаемых на данной конференции тем, да и вообще вряд ли требуется. Конкурентоспособность компаний, социальных институтов, типов личности зависит не только и не столько от степени лабильности (изменчивости), но и от внутренней стабильности национального культурно-ценностного кода, который лежит в основе любой цивилизации. Поэтому подлинные конкурентные преимущества цивилизации дает ее специфика, которую давно сформулировал Л. Вовенарг: «Чтобы сравняться с другими, надо быть самим собой».

Больше всего следовало бы обсуждать, в том числе и в ходе наших дискуссий, как выявить эти преимущества, как превратить нашу культурную специфику в фактор ускорения российской модернизации. Только в диалоге с другими культура осознает себя и находит способы самообновления, обеспечивающие социокультурное ускорение модернизации. Но в том-то и проблема, что ни диалога, ни взаимообогащения культур

¹ Тиммерман Х. Европа и ее восток с геополитической точки зрения // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 10. С. 106.

² В России это особенно проявилось в 1990-е годы, когда из 100 с небольшим самых тиражных авторов только около 10 % имели отношение к России (причем любой — царской, советской или новой), количество голливудских кинолент в российском прокате доходило до 90 с лишним процентов, а все популярные ток-шоу на отечественных каналах были, по сути, кальками западных.

³ Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. С. 8.

не происходит. Вместо этого — социальная поляризация, раздвоение культуры на «рублевую» и «рублевскую», вслед за тем — партикуляция и последующий разрыв целостности социокультурного пространства страны, который, как показали события на Украине, после определенной бифуркационной точки становится необратимым и может привести к ее распаду. Это вполне соответствует определенным геополитическим интересам, которые к культуре никакого отношения не имеют. Культуры призваны не воевать, а взаимодействовать, обогащая друг друга и повышая свой созидательный потенциал.

Современная же реальность такова: культурно-информационная экспансия — агрессивная и зачастую во многом успешная — стремится доказать преимущества привносимых в «традиционные общества» ценностей либерализма и демократии. На самом деле она чем более агрессивна, тем в большей степени проявляет глубокий внутренний кризис культурного бытия западного человека. Это конвульсивная и саморазрушительная агония культуры, которая вместо Бога водрузила в центр человеческого мира золотого тельца, подменила ценность человека его ценой, сделала его не целью развития, а средством, сместила смысл жизни с духовного на материальный и даже телесный уровень человеческого существа, а свободу совести превратила в свободу от совести.

Подобные исторически чуждые нам «ценности» внедряются в массовое сознание народов России, разрушая культурные основы российской цивилизации, фундамент духовного мира личности. В нашей духовной традиции человек жил во имя человека, своего Отечества, а «я» органично сочеталось с «мы». В подтверждение этого М. Е. Салтыков-Щедрин писал: «Нет опасней человека... который равнодушен к судьбам родной страны, к судьбам ближнего, ко всему, кроме судеб пущенного им в оборот алтына».

Такого рода фундаментальные константы лежат в основе каждой цивилизации и составляют генотип национальной культуры как их ценностное ядро. Для россиян этими константами являются добро как нравственный императив, правда как единственная истина, красота как внутренняя установка при восприятии мира.

Подобная нравственная парадигма — отнюдь не национальная прерогатива, она имеет общечеловеческий характер и составляет основу для диалога культур во времени и пространстве. Еще Платон говорил: «Стараясь о счастье других, мы находим свое собственное». Но этой великой — для всех времен и народов! — истине противоречит сама природа такого общественного уклада, где «человек человеку — волк» и где нравственно оправдан любой способ достижения собственного благополучия. Развитие такого уклада ведет к крайнему индивидуализму, а «между соборной личностью и индивидом духовная пропасть, через которую нет моста»¹. Если мы будем неспособны преодолеть эту пропасть на основе диалога культур, человечество ждет катастрофа.

Однако не все в реальной жизни подчинено повороту влево или вправо «вашингтонского рубильника». В условиях глобализации интенсивный диалог культур не только «обнажил существенные различия в картинах мира, менталитете отдельных народов, ценностях, целях и других аспектах социального и культурного бытия», как отмечается в программе нашей конференции. Он привел к всплеску самосознания каждой культуры, стимулировал процесс их национального и цивилизационного самоопределения. В этих условиях еще более явственно «заработал» закон самосохранения культуры, кристаллизации ее качественной специфики в меняющемся мире. А способом проявления данного закона стало не только повышение внутренней творческой отдачи каждой национальной культуры, повышение значимости традиционных форм культурной жизни, но также их обновление — тем более интенсивное, чем стремительнее меняются условия человеческого бытия и чем более соприкасаются и взаимодействуют различные культуры.

Надо констатировать, что события последней четверти XX века способствовали росту самосознания российской культуры, усилению «способности русской культуры обогащаться за счет чужих культур и трансформации своей, старой...»². Одна из удивительных особенностей отечественной культуры — «восприимчивость и понимание своего и чужого как своего»³ — вовсе не означает отказа от национального своеобразия и утрату социокультурной идентичности. Какими бы противоречивыми и болезненными ни были «дрейф ценностей и трансформация культурного поля» в стране, системообразующая основа сохраняется, хотя формы организации социально-экономической, политической и социокультурной жизни эволюционируют в сторону «модернизированной демократии». Другой вопрос, что темпы такой вялотекущей, подспудной модернизации не соответствуют запросам времени. Но при оценке целесообразности путей модернизирования России следует определиться с ответом на вопрос: модернизация для России или Россия для модернизации? Второстепенный придаток в международном разделении труда, обеспечивающий бесперебойный и безропотный трансфер углеводородов и миллиардных прибылей в «метрополию», или полноценный участник мирового цивилизационного процесса, обеспечивающий материальное и духовное благосостояние народа прежде всего за счет своего человеческого и духовного потенциала? В сущности, это две разные России, две разные культуры...

В новом историческом контексте второго десятилетия XXI века культурно-историческая самобытность России воспринимается уже не как «недоразумение» или «проклятие», а как непреходящая базовая ценность. В настоящее время почти половина наших сограждан (47 %), безусловно, согласны с тезисом о том, что России подходят не либерализм, индивидуализм и западная демократия, а чувство общности, коллективизм и жестко управляемое государство. Тех же, кто это утверждение отвергает, оказалось в целом почти

¹ Кара-Мурза С. Г. Покушение на Россию. М.: Русский Дом, 2003. С. 10.

² Лихачев Д. С. Русское искусство: от древности до авангарда. СПб.: Искусство-СПб., 2009. С. 19.

³ Там же. С. 20.

в два раза меньше — четверть опрошенных. Правда, преобладание сторонников российской самобытности начинается с определенного возрастного рубежа — примерно с 30 лет, в младших же возрастных когортах они количественно уступают «западникам»: например, среди самых молодых соответствующее соотношение составляет 31 % против 41 %. В то же время почти треть (28 %) пока не может четко определиться по этому вопросу.

Представление о реальной динамике ценностей дает автопортрет современного россиянина, «написанный» самими респондентами в ответах на вопрос, как изменились люди и их отношения за последние 15–20 лет. Около 80 % опрошенных указывают на рост агрессивности; почти 3/4 — на падение уважения к старшим; более 70 % обращают внимание на недоброжелательность, рост неискренности между людьми, эрозию альтруистической мотивации; 67 % — на неуважительное отношение к женщине и исчезновение такого психологически важного для россиян и русской культуры качества, как душевность; 68 % — на рост цинизма. Ныне россияне, по их собственному признанию, стали менее патриотичными (64 %), менее честными (70 %), менее верными принципам товарищества (47 %). Свыше 37 % наших сограждан отмечают ослабление ответственности россиян перед семьей. Даже такие качества, которые должны были, казалось бы, только усилиться в условиях демократии (трудолюбие, способность к сотрудничеству, ум, образованность), в самооценках респондентов тоже снизились. Только усиление активности, целеустремленности, инициативности отметило относительное большинство — 41 % опрошенных, но при этом 34 % указали на ослабление данных качеств.

На первый взгляд это можно оценить не только как приговор времени и новым социальным реалиям, но и как признание смены традиционного для России гуманистического, солидаристского вектора духовно-культурного развития. Но нельзя забывать о том, что негативные оценки говорят не столько о реальном положении дел, сколько о той нравственной «планке», с высоты которой даются такого рода оценки. Фактически это свидетельствует о приверженности большинства респондентов той традиционной культурной парадигме, с позиций которой и оценивались изменения в нравственности. Для большинства наших сограждан по-прежнему актуальны традиционные ценности и смыслы, нормы обыденного поведения. А обеспокоенность (каждый третий опрошенный) состоянием морально-нравственного климата в обществе — признак того, что общество и его граждане остро чувствуют их необходимость. Более того, сегодня значимость и актуальность большинства традиционных моральных норм заметно выше, чем в начале века, и тем более — по сравнению с 1990-ми. Тогда многие россияне отказались от лишнего «морального бремени», а игнорирование традиционных моральных предписаний стало даже экономически и социально выгодным, а в обществе из всех человеческих способностей больше всего стала цениться только одна — покупательская. Тогда же проявилось сравнительно новое для России явление

— нравственный релятивизм или мультиморальность, когда люди, существуя в рамках своей моральной матрицы, признают право других людей придерживаться их собственных моральных принципов.

Конечно же, за последние 15 лет в сознании россиян произошел весьма ощутимый сдвиг в сторону характерных для мировоззрения модерна норм. Сильнее стали убеждения, что человек должен иметь право отстаивать свои взгляды, даже если большинство придерживается иного мнения (лишь 9 % с этим не согласны), что каждый гражданин в любой ситуации имеет право отстаивать свои интересы при помощи забастовок и демонстраций (доля несогласных — 18 %) и что настоящая демократия невозможна без политической оппозиции (доля несогласных — 15 %). Весьма заметно сократилась доля сторонников всевластия государства, легитимности его права влиять на правосудие и ограничивать свободу прессы. Применительно к молодежи до 25 лет можно говорить о максимальной распространенности модернистских воззрений, в то время как в более старших возрастных когортах доминируют характерные для традиционалистского сознания внешний локус-контроль, патерналистские ожидания и т. д.

Однако процесс этот крайне противоречив, непоследователен и даже хаотичен. Он зависит от ряда факторов, как ситуативных, так и сущностных, вытекающих из особенностей российской цивилизации. В настоящее время россияне характеризуются крайней неоднородностью по типу мышления, нормам, установкам и ценностям. Это проявляется в несовпадении — иногда вопиющем — отношения к достигнутым ценностям, к ориентации на эффективность, инициативу, конкурентность, к индивидуалистическим установкам, к мотивации успеха и т. д. Ценностный разрыв даже среди представителей одной социальной группы достигает такой степени, что можно говорить о хаотичном состоянии нравственного сознания россиян. Но социологическая наука свидетельствует, что базовые ценности россиян обнаруживают удивительную стабильность. В 1989 году главной целью подавляющего большинства опрошенных было сделать счастливым любимого человека, опросы последних лет показывают, что главным для большинства наших сограждан является забота о своей семье, что подавляющее количество людей хотели бы жить в обществе, где государство гарантирует социальный мир, справедливость и безопасность каждому. Так что провести над нашей российской цивилизацией опыт духовно-нравственной «генной инженерии» не так-то просто. Мы не можем жить поодиночке — мы, тысячелетиями выживавшие благодаря общности, ощущавшие в локте друга свою защищенность и значимость. Война всех против всех для России неестественна, наша страна выжила благодаря братству и доброте, духовности и любви — несмотря на вопиющие отступления от этих принципов. Россияне никогда не смиряются с тем, что прав только сильный, достоин уважения только достигший высокого поста, счастлив только богатый...

Опыт сближения с Западом на основе диалога культур оказался для россиян разочаровывающим, а надежды, которые возлагались на этот процесс, —

преувеличенными. И российское общество ответило на это разочарование неоконсервативной волной, лейтмотивом которой стал отход от западных увлечений периода становления демократии. К концу 1990-х годов произошла фундаментальная переоценка ценностей. Причем не столько на уровне идеологии, сколько на уровне подсознательных переживаний и глубинной смысловой структуры картины мира. Самобытность России, которая раньше казалась недостатком, теперь выступила в качестве достоинства. Социологическая диагностика эмоциональных реакций наших респондентов на различные понятия показывает, что в настоящее время общественное сознание консолидируется вокруг российских ценностей. В связи с этим прежде всего надо отметить большую эмоциональную значимость самого понятия «Россия», а также тесно связанного с ним понятия «русский». То, что эти понятия воспринимаются россиянами с большей теплотой, чем, допустим, «Америка», «Европа», «Евросоюз» или «Азия», может показаться вполне естественным. Но еще в 2000 году слово «Россия» вызывало у россиян положительный эмоциональный отклик чаще, чем у немцев слово «Германия» (у 94 и у 85 % респондентов соответственно). По сравнению с 2000 годом снижается частота положительных откликов на слово «Европа». И хотя у молодежи к началу XXI века она достигла 90 % и практически вплотную приблизилась к результатам, которые дало «измерение» эмоциональных ассоциаций с понятием «Россия», результаты исследования показывают, что именно молодежь негативнее всего реагирует на все, что связано с концептом глобализации.

В свете диалога и конфликта культур обращает на себя внимание неблагоприятный баланс эмоциональных реакций наших сограждан на понятие «Запад». Это слово позитивно воспринимают менее половины опрошенных, а негативно — чуть более половины. Перепад между этими двумя цифрами невелик, но он носит устойчивый характер. Демонстрирует поляризацию взглядов нормативно-ценностная система россиян и в экономической плоскости — к рынку тяготеют 42 % россиян, к плановому хозяйству — 53 %. Однако наиболее устойчиво тяготение россиян к смешанной экономике с доминирующей ролью государства и государственной собственности. По мнению большинства, под контролем государства, а не бизнеса должны находиться все стратегические отрасли экономики, социальная сфера, призванная обеспечивать здоровье и благополучие нации. Существенно отличается от западного отношение россиян к частному предпринимательству и вообще к деньгам. Достаточно привести не вполне социологическое, но удивительно точное свидетельство Марины Цветаевой: «Сознание несправедливости денег в русской душе неистребимо». Возможно, поэтому нынешняя толерантность по отношению к малому и среднему бизнесу сочетается у россиян с полным неприятием крупного бизнеса, которому нет места в доминирующей нормативной модели экономического развития. В парадигме российской культуры только государство является реальным «хозяином» всего национального богатства.

Камнем преткновения в отношениях Запада и России стала социальная справедливость, которая за века

угнетения превратилась у нас из принципа организации общественной жизни в основополагающую ценность общественного бытия — тем более значимую, чем менее соответствует ей реальность. Наиболее остро россиянами воспринимается неравенство доходов. Поэтому доминирующей социальной установкой в российском самосознании является мнение о том, что человек должен иметь только те доходы, которые заработаны честным трудом, — так считает 71 % россиян. В полтора раза — с 44 до 60 % — увеличилось за последние 15 лет число тех, кто считает государство обязанным отстаивать интересы всего народа перед интересами отдельного человека. При этом понимание свободы у россиян не совпадает с характерным для обществ модерна толкованием: для 60 % россиян (в 1993 г. — для 67 %) свобода — это возможность быть самому себе хозяином («воля») и лишь для 40 % — набор определенных политических прав и свобод.

Отражает ли подобное соотношение незавершенность процессов социокультурной модернизации в российском обществе или ее принципиальную незавершенность, покажет время. Общество с приоритетом индивидуальной свободы (то есть американскую модель развития общества) предпочитают в настоящее время 33 % россиян, в то время как в обществе социального равенства хотели бы жить две трети всего населения России. Интересно, что для большинства наших сограждан свобода все годы реформ была важнее, чем материальное благополучие. Однако за последние 15 лет вполне прозаические ориентации населения выросли фактически в 1,5 раза — в ущерб ценности свободы. А ведь это — лакмусовая бумажка демократических настроений.

Конечно, система жизненных ценностей значительно различается в разных по возрасту и уровню благосостояния группах. И тем не менее во всех группах существует общий каркас основных ценностей, который не только выполняет интегрирующую роль в обществе, но и позволяет говорить о том, что ценностная система россиян весьма устойчива и далека, например, от идеала «американской мечты».

В целом ни о каком «победном» шествии ценностей индивидуализма в российском обществе говорить пока не приходится, хотя отношение к индивидуализму у россиян весьма толерантное, и понятие «индивидуализм» вызывает положительные ассоциации у 61 % из них. Вступление в жизнь новых поколений усиливает эту тенденцию, но за последние 10 лет государственный интерес как главенствующий в нынешних условиях отмечают почти в два раза больше респондентов. Подобные подвижки дают основания для гипотезы о смещении центра тяжести нравственного сознания россиян в сторону неиндивидуалистических ценностей. Государство и те общности, к которым принадлежат опрашиваемые, осознаются ими как гаранты их собственной безопасности. Традиционалистская модель очень устойчива, и легитимность интересов отдельной личности весьма проблематична, а ведь именно из нее вытекает лежащая в основе современных демократий идея прав человека.

Все это разочаровывает тех, кто пытается представить российскую культуру консервативной и поэтому «сжигающей» перед собой мосты в будущее. В России же консерватизм — это, как писал Н. Бердяев, «борьба вечности со временем, сопротивление нетленности гниению».

Противоречие между традицией и модернизацией существует по определению. В России остроту этого противоречия усиливает фундированность — историческая, культурная, психологическая — традиция, которая делает возможной только системную модернизацию, охватывающую все сферы и аспекты общественной жизни. А главное — она должна носить социокультурный характер, учитывающий специфику ценностной основы российского общества. Но традиция оживает не тогда, когда консервируется, а когда умножается и развивается. Обновление духовно-культурной парадигмы, в рамках которой жили многие поколения россиян, возможно лишь путем продуктивного диалога с другими культурами — в том числе с западной. Варианты «замещения» культуры, «не подходящей» для модернизации или «трансплантации» новой культуры в российскую действительность, обречены. Это показала попытка унификации культур в рамках процедуры глобализации, которая привела к обратному — укреплению традиции в национальных культурах.

Вряд ли продуктивной формой развития культурного взаимодействия будет и модный на Западе «мультикультурализм». Такая механическая мозаика разных культур, склеенная толерантностью, оказалась несостоятельной даже на Западе отнюдь не из-за несовершенства практики его реализации. В основании этого лежит методологическая несостоятельность, непонимание сущности культуры, в том числе национальной. Разные культуры не могут сосуществовать, не соприкасаясь, наподобие независимых индивидов в обществе, как это видится в рамках либеральной социальной парадигмы. Культуры не могут не взаимодействовать в ценностно-смысловой плоскости и не «разговаривать» между собой на «своем» языке, то есть не общаться путем диалога. В фазу конфликта такой диалог переводится благодаря социальным, экономическим, политическим деструкциям, которые превращают этот диалог в монолог, а культура используется как средство для достижения «внекультурных» целей — геополитических, политических, экономических.

После распада СССР главным объектом деструктивного влияния Запада стала общенациональная идентичность России, которая является универсальным показателем состояния общества и к кризису которой привел цивилизационный сбой в 1990-е годы. Квинт-эссенция этой идентичности — национальная идея — обозначает общесоциальный вектор развития страны от прошлого к будущему. Трансформации идентичности российского общества определяют способность страны отвечать на многочисленные вызовы современного мира, осуществлять полноценную культурную, экономическую, социальную и политическую модернизацию; определяют перспективы становления в России структур гражданского общества, эффективность функционирования политических институтов, харак-

тер механизмов представительства интересов и политического участия, а в конечном счете — социальный климат общества. На глобальном уровне сохранение российской идентичности способствует успешному интегрированию России в мировое сообщество и ее позиционированию на международной арене. На личном же — утверждению жизненных ориентиров, формированию чувства защищенности в рамках «своего» общества, подавлению тревоги и фрустрации. И это не случайно, ибо только при условии прочной национальной солидарности, ощущения самоотдавленности, имея возможность отнести себя к какой-то системе, направляющей его жизнь и придающей ей смысл, человек не рискует остаться в одиночестве перед натиском бури глобализации и раствориться в ней. В противном случае человек «теряет себя», поскольку идентичность есть основа онтологической безопасности и непрерывности его бытия. Человеку нужна идентичность, как «для всякого плода нужна своя почва, свой климат, свое воспитание» (Ф. М. Достоевский).

Многочисленные исследования разных лет убедительно доказали, что формирования российской идентичности осуществляется в сложном, противоречивом контексте культурно-цивилизационных взаимодействий, динамичных социально-экономических преобразований, распада многонационального государства и обусловленной им необходимости привыкания к новым границам и территориальным очертаниям, обновленной идеологической системе координат и деформировавшемуся образу «мы», встраивания в новую систему отношений, освоения новых социальных смыслов и значений, переосмысления этнического состава населения, политического устройства, рождающихся и отмирающих ценностей, изменяющейся структуры общества. Немалое влияние на становление российской идентичности оказали конфликт и конвергенция культур.

Представление о России как об уникальной цивилизации, соединяющей в себе европейские и азиатские начала, одной из характеристик которой является мирное содружество множества национальностей и религий, когда ни одна из них не ущемляется и не вводится в стандартизованные культурные и цивилизационные рамки, понимание российского народа как исторического целого и гражданской нации высказывались неоднократно, в том числе президентом РФ В. В. Путиным¹.

¹ См., например: Путин В. В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. № 7 (5493). 23 янв.; Абдулатипов Р. Г. Российская нация: этнонациональная и гражданская идентичность россиян в современных условиях. М.: Науч. книга, 2005; Авксентьев В. А. Социокультурная идентичность в XXI веке: выбор российской перспективы // Проблема субъектов российского развития: материалы Междунар. форума «Проекты будущего: междисциплинарный подход», 16–19 октября 2006 г., Звенигород / под ред. В. Е. Лепского. М.: Когито-Центр, 2006; Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / рук. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижина. М.: Рос. полит. энцикл., 2013; Губогло М. Н. Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки. М.: Наука, 2003; Данилевский Н. Я. Россия и Европа / сост., послел. и коммент. С. А. Вайгачев. М.: Книга-Сервис, 1991; Ильин И. А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России: в 2 т. М.: МП «Рапрог», 1992. Т. 1; Кортунов С. В. Национальная идентичность. Постигание смысла. М.: Аспект-Пресс, 2009; Тишков В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003; и др.

Учитывая многоаспектность подхода к интерпретации современной идентичности россиян, можно утверждать, что она представляет собой «сложный конгломерат новой российской, ностальгической советской, социальной, региональной, локальной, этнокультурной, религиозной идентичностей. Естественно, все политические, социально-культурные, экономические трансформации общества находят отражение в государственно-гражданской идентичности, поэтому по изменению в ней судят о направлениях в развитии социума, но и она сама, ее характер, масштабность, интенсивность, способствует ориентации и мобилизации людей, становится социальным ресурсом в общественном развитии»¹.

Сегодня внимательный наблюдатель без особого труда заметит, что психологическую атмосферу российской общественно-политической жизни во все возрастающей степени определяет крепнущее чувство самостоятельности, растущая уверенность в себе, сопровождаемые стремлением дистанцироваться от Запада. Определившись со своими целями и интересами и более отчетливо осознав собственную самостоятельность, российское общество фактически утратило психологическую потребность в том, можно сказать, «надрывном» антизападничестве, которая имела место в прежние годы. В настоящее время лишь около четверти наших сограждан придерживаются той точки зрения, что европейские страны заинтересованы в преодолении Россией накопившихся социально-экономических проблем. Еще меньшее число (приблизительно один человек из пяти) соглашается с тем, что европейцы стремятся к всестороннему и равноправному сотрудничеству с Россией. А вот довольно много россиян убеждены в совершенно обратном: около половины из них полагают, что Европа видит в усилении России угрозу и потому не желает ее действительного подъема, а почти 2/3 убеждены в том, что ее интерес к России ограничивается исключительно природными ресурсами.

Что же касается факторов, сдерживающих взаимное сближение, то среди основных из них россияне называют следующие: стремление Евросоюза навязывать России свое понимание демократии, а также нарастающие угрозы со стороны НАТО. Отмечаются и нежелание Евросоюза допускать российский бизнес на свои рынки и стремление Запада переписать историю Второй мировой войны, поставить под сомнение решающий вклад СССР в победу над фашизмом.

В начале 2000-х годов количество «еврооптимистов», связывающих будущее России с ее вступлением в объединенную Европу, заметно превышало количество не видевших в этом особого смысла «евроскептиков» — в соотношении 42 на 30 %. К настоящему периоду картина заметно изменилась: противники объединения с Евросоюзом составляют около 50 %, в то время как доля «еврооптимистов» упала до 30 % россиян. Без сомнения, вмешательство Евросоюза и США в собы-

тия, происходящие на Украине, эту тенденцию только усиливает. Если до этого какая-то часть российского общества еще сомневалась в характере политического отношения европейского сообщества к постсоветской России, к росту ее международного авторитета и влияния на мировую политику, то теперь для подавляющего большинства россиян «маски сброшены».

При этом важно отметить, что события на Украине, как и любая другая «цветная революция», основаны на социокультурных технологиях и только подтверждают гипотезу об экспансии ценностей как скрытой доктрине глобализма. Суть ее составляет разрушение культурного кода или генотипа культуры как способ лишения ее возможности консолидироваться и мобилизовать внутренние ресурсы для ответа на новые вызовы XXI века. Такая стратегия «перформативирования» культуры и деструкции ее исторических основ направлена на лишение социальной общности конкурентных преимуществ. Она направлена на утилизацию национальных культур и провоцирование конфликтов между ними, унификации мира по американскому лекалу и не имеет ничего общего с демократией.

Эти события ставят вопрос об альтернативе нынешней глобализации, направленной на использование уникального богатства национальных культур и стилей жизни, утверждение единства человеческого рода как «цветущей сложности» (К. Леонтьев).

Многонациональный российский народ заинтересован в успешной модернизации российского общества, которая имеет судьбоносное значение дляживания страны в современном мире. Ведь речь идет о формировании конкурентоспособного общества, которое будет в состоянии выйти на передовые позиции в мире и обеспечить высокие показатели благосостояния граждан — и материального, и духовного. Но современная российская модернизация должна иметь не только системный характер, подразумевающий качественное обновление всех сфер общества, всех уровней организации государственной и общественной жизни. Она состоится, если сохранит внутреннюю природу того, что называется Россией, то есть национально-культурную традицию. Как отмечал Д. С. Лихачев: «Исторический путь России свидетельствует о громадных запасах не только материальных благ, но и духовных ценностей...»²

Фактически Россия превратилась сегодня для человечества в показательную площадку решения этой проблемы, где столкнулись прошлое с будущим, коллективистская система — с индивидуалистической моралью, и где идут поиски продуктивного выхода в соответствии с российским видением мира и нашим национальным характером. Что при этом будет доминировать: острый конфликт, ожесточенная борьба культур или диалог социокультурных воззрений? От этого в определяющей степени и будет зависеть, каким на ближайшие десятилетия окажется вектор развития духовного облика человеческой цивилизации.

¹ Дробизева Л. М. Процессы гражданской интеграции в политическом российском обществе (Тенденции и проблемы) // Общественные науки и современность. 2008. № 2. С. 68–77.

² Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 31.